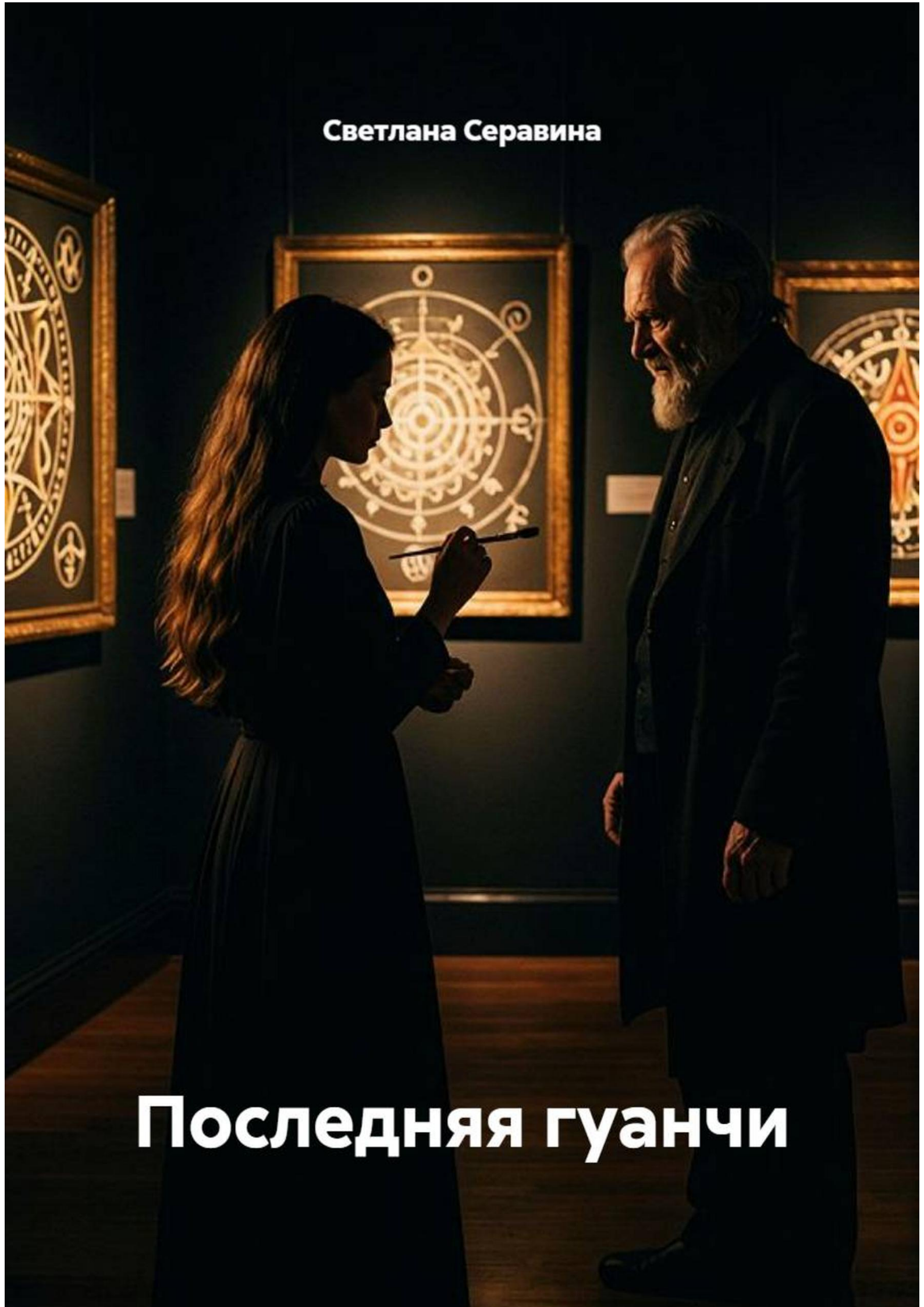

A woman with long dark hair, wearing a dark dress, stands in profile on the left, holding a small object. An older man with a grey beard and hair, wearing a dark coat, stands on the right, looking towards her. They are in a dimly lit gallery with several framed mandala-like artworks on the wall. The central artwork is a complex geometric design with a central point and radiating lines. The lighting is warm and focused on the figures and the art.

Светлана Серавина

Последняя гуанчи

Светлана Серавина

Последняя гуанчи

«Автор»

2026

Серавина С.

Последняя гуанчи / С. Серавина — «Автор», 2026

Лара — потомок древнего племени гуанчи, обладающая даром исцелять и менять судьбы силой рисунка. Всю жизнь она жертвовала своим талантом, деньгами и свободой ради галереи Германа Рюпеля — бездарного и жестокого человека, который выдавал ее картины за свои. Когда Рюпель решает продать галерею и сбежать, скрыв при этом истинное завещание своего отца, чаша терпения Лары переполняется. Она решает уничтожить своего мучителя, используя единственное оставшееся у нее оружие — магию своего последнего рисунка. Но месть не приносит облегчения: разобрав архив покойного, Лара узнает страшную правду о своем происхождении, о том, как ее дар использовали с самого детства, и о тайнах семьи Рюпелей. Роман о цене таланта, разрушительной силе мести и праве быть собой.

© Серавина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Светлана Серавина

Последняя гуанчи

Глава

Глава первая.

Крик чайки разбудил Лару, ей так не хотелось просыпаться, она повернулась на другой бок, но птица продолжала издавать истошные звуки прямо под окном спальни. В спальне пахло морем и цветами, утренний прохладный воздух захватил всю комнату. Женщина потянулась, посмотрела на часы было уже почти десять утра. Лара взяла телефон, новостная лента просто пестрила сообщениями о «Последней выставке Германа Рюпеля», сообщалось, что он распродает все картины и имущество, и покидает страну навсегда. Из-за горизонта на берег ползла огромная черная туча, которая накатывала волны почти до террасы, воздух моментально стал тяжелым и липким, словно спрессованный приближающимся ненастьем. Чайка, выбиваясь из последних, пыталась преодолеть безжалостный ветер и, казалось, что просто летит на одном месте. Лара закрыла окна и задернула шторы.

На мгновение все звуки пропали, земля словно ушла из-под ног, каменный воздух застрял в груди. Лара села на пол, закрыла лицо руками, рушилась ее привычная жизнь и все планы. В голове пролетела сотня вариантов, что делать и каждый из них был хуже предыдущего. В висках гудело, а сердце хотело выпрыгнуть из груди.

- Ах, ты грязная и неблагодарная тварь! – женщина была в ярости, она швырнула телефон на пол, встала и быстро пошла в ванную. – Идиот! Прежде чем воевать узнай кто твой враг на самом деле!

Лара пыталась успокоиться в душе, она включала то холодную, то горячую воду, пыталась глубоко дышать, но ничего не помогало, ярость буквально выкипала из нее. Подойдя к зеркалу, женщина несколько раз умыла лицо холодной водой, но легче не становилось, в отражении на нее смотрела совсем другая Лара чужая, холодная, враждебная. Постепенно рассудок начинал обретать равновесие, в голове созрел четкий план действий.

Лара шесть лет не была в отпуске. Теперь ей пришлось прервать свой долгожданный отдых уже на третий день. Она села в машину и поехала домой. Ее друг детства Сергей купил небольшой, но очень уютный коттедж на берегу моря в поселке Дивноморское и буквально уговорил ее поехать отдохнуть на пару недель. В доме было все необходимое для комфортного отдыха, а окна спальни и гостиной выходили прямо на море, особенно чарующим вид был вечером, когда малиновое солнце, погружаясь в водную гладь, пускало по морю пурпурную дорожку, нежно веял морской бриз, а ласковый шум волн убаюкивал по вечерам. Лара наслаждалась тишиной, теплым морем и ласковым солнцем, ей еще никогда не было так спокойно и легко. Наконец-то, в голове воцарилась пустота и перестали роиться навязчивые образы, которые она была вынуждена постоянно писать, иначе они не отступали и не давали спокойно жить и спать, мозг словно не отключался и не переставал думать обо всем сразу. Но все закончилось в один момент и теперь ей нужно было срочно возвращаться в душный Краснодар, темную мастерскую и ненавистную квартиру.

Эта выставка для Краснодара была действительно грандиозным событием. Каждая работа заслуживала пристального внимания, помимо солидных размеров и мастерского исполнения, картины непросто заставляли зрителей задуматься, они цепляли за самую душу, но была в них какая-то мистическая сила. Люди могли часами смотреть на работы и словно уходили в себя, а потом менялись сами или менялась их жизнь.

- Как ты мог? – Лара ворвалась в мастерскую и буквально набросилась на Рюпеля.

Хозяин мастерской и художественной галереи был невысокого роста, но зато очень полный, огромная лысая вечно потная голова была украшена крохотными свинячьими глазками, близко посаженными к горбатому носу, редкие зубки прятались за тонкими искривленными губами. Знакомые за глаза называли его Шалтай-Болтай. Герман сидел за столом, на котором беспорядочно были разбросаны бумаги, он никогда не отличался собранностью и аккуратностью, а большое количество документов лежало на столе для видимости. На самом же деле он даже не понимал, что в них написано. Альберт Рюпель – отец Германа – был талантливым художником и лучшим преподавателем в детской школе-интернате искусств в станице Старокорсунская. Последние десять лет он работал там директором. После его смерти Герману досталось прекрасное наследство: большой загородный дом, двухэтажная квартира с мастерской и картинная галерея, где помимо собственных работ можно было сдавать площади в аренду, а также ранние работы Альберта, которое он выдавал за свои – все, кроме таланта, совести, благородства и порядочности.

Несмотря на немецкое происхождение, характер у Альберта был как у доброго самаритянина, старика Рюпеля все любили, он был невероятно энергичным, веселым, душевным, щедрым и отзывчивым, всегда трепетно относился к талантливым ученикам, постоянно занимался с ними после уроков и по выходным, обожал во всем порядок, постоянно что-то записывал в свой блокнот или на отдельных листках, которые потом складывал по папкам. Любимым занятием Альберта было планирование, он постоянно составлял планы на день, неделю или месяц, а потом жил по ним и требовал того же от окружающих и, если планы расходились с реальной жизнью, он немного расстраивался и тут же начинал строить новые планы. Второй страстью старика Рюпеля было искусство: живопись, музыка, скульптура, архитектура – он приходил в полный восторг от всего. К сожалению, Рюпель младший был его полной противоположностью. Сын праздно прожигал свою жизнь и деньги отца, был невероятно ленивым, несобранным, замкнутым, жадным и временами жестоким. Никто не понимал, как Лара столько лет может терпеть Шалтая-Болтая.

- Что ты тут делаешь? Ты же взяла отпуск? И что на тебя нашло? Зачем ты кричишь на меня? – громко дыша, мямлил Рюпель, ему было непривычно слышать, что Лара кричит. – Это совсем не похоже на тебя, жаль, что папа не слышит, как орет его «Милый ангелочек».

- Кое-какие новости заставили меня прервать мой отпуск! Очень жаль, что твой папа не знает, что натворил его сыночек-разгильдяй. Я слишком долго терпела твои выкрутасы, но даже у меня кончилось терпение! – Лара продолжала кричать, от чего мужчина втянул голову в плечи и приобрел практически идеальную форму шара. Глядя на это зрелище, Лара невольно поморщилась. – Когда ты собирался мне сообщить о своих планах?! Когда и куда ты собрался свалить?!

- А зачем тебе это? – продолжал мямлить Рюпель.

- Как я понимаю, ты уже нашел покупателя на мои картины, когда я получу свои проценты? И не вздумай меня обманывать, я все равно узнаю настоящую цену! – Лара практически нависла над мужчиной, она готова была придушить Рюпеля.

- Я все переведу тебе, не волнуйся. Я обязательно с тобой рассчитаюсь. Ты же меня знаешь. Я всегда отдаю тебе твой процент и возмещаю все расходники, ну что ты кричишь.

- Было бы что переводить, жалкие двадцать процентов! Я тебе не верю, Рюпель! Ты знаешь, мне не составит труда узнать куда и когда ты отчаливаешь, и если я не увижу свои деньги, то все узнают, кто писал все эти картины! Ты можешь представить, какой будет скандал? – Глаза женщины просто горели яростью, она еще ближе подошла к Герману.

- Конечно, ты права, будет скандал, но посуди сама, будут ли твои картины так же популярны, если их продавать не под моим именем?

- Ты хотел сказать под именем твоего отца! Так, когда ты отчаливаешь? – Лара снова повысила голос.

- Я еще не покупал билеты и не решил куда поеду, я потом тебе напишу, – Герман мямлил себе под нос и боялся посмотреть Ларе в глаза.

- Я все равно все узнаю, даже не вздумай от меня ничего скрывать, мое терпение кончилось, ты не заслуживаешь больше хорошего отношения. – Она снисходительно посмотрела на растерянного толстяка и добавила, – Ты не Шалтай-Болтай, ты – мерзкий Крошка Цахес, который всю жизнь висит на моей шее и, поверь мне, я тебя уничтожу!

- Завтра будет прощальный фуршет, на котором я торжественно подпишу документы и объявлю новых владельцев картин, мастерской и галереи, а послезавтра планирую свой отъезд. – Рюпель почти перешел на шепот.

- Отлично, Герман! Завтра я, наверное, пропущу твой шабаш, а послезавтра приду проводить тебя, - она смерила его глазами с ног до головы, и направилась к выходу, - если захочу, и раз уж ты уезжаешь, то я должна передать тебе кое-то от твоей мамы. Я ей обещала.

- Что ты ей обещала, что ты должна передать? – Герман пытался докричаться в след уходящей Ларе, но она сделала вид, что не слышит его.

Как только Лара оказалась на улице она ощутила ужасную духоту, солнце не грело, а плавило все вокруг, женщине стало трудно дышать, поэтому она зашла в соседнее кафе, где работал кондиционер выпить кофе и позвонить своему другу – Сергею с просьбой найти ей нотариуса для одного очень щепетильного дела.

Даже после захода солнца духота не собиралась покидать город, поэтому все его жители поспешили разойтись по домам и на улицах было практически пусто. В этот вечер Герман, как обычно, крепко выпил, но виски не спешил расслаблять его рассудок. Рюпелю не давала покоя последняя фраза Лары. Он несколько раз пытался до нее дозвониться, писал ей сообщения, но она не отвечала.

Около одиннадцати часов вечера, в дверь дома Рюпеля позвонили. Толстяк уже хорошо опьяневший медленно поднялся с дивана и покатился к двери. На пороге стояла Лара вместе с нотариусом. Захмелевший Герман, качаясь отошел от двери. Он попытался что-то бурчать, но Лара решительно прошла в центр гостиной и положила на журнальный столик стопку каких-то бумаг.

- Что это? – лениво протянул Герман.

- Это - нотариально-заверенные копии писем твоей матери, оригиналы я оставила себе. А это – она показала рукой на стоящего у входной двери мужчину, - нотариус, в присутствии которого я передаю их тебе, так сказать, ваш семейный архив. Ты обязательно внимательно почитай. Очень много нового о себе узнаешь.

После этого нотариус подал Рюпелю акт о передаче документов, попросил в нем расписаться, Лара вернулась к двери, кивнула юристу, и они ушли. Герман взял документы и сначала бегло пролистал, а потом уселся на диван и начал читать... Это были письма его матери, которые она писала Ольшевскому о том, что она ждет ребенка, и от Ольшевского, в них он сообщал, что у него есть семья и родные дети и просил его больше не беспокоить. Герман еще раз перечитал все письма, а потом швырнул их на пол в гостиной, налил себе еще один стакан виски и уснул там же на диване.

Глава вторая.

Лара спешила домой. Она поняла, что Рюпель напоследок задумал что-то недоброе. Ей давно хотелось отомстить Герману, не просто поставить на место, а уничтожить за его жадность, за его предательство – ведь она всю жизнь посвятила его Галерее сутки напролет вынуждена была писать картины под его именем, а слава и большая часть денег доставались ему.

Про женщину говорили, что она деревенский самородок. Родители жили в селе Перво-реченское, сажали огород, держали скотину и много работали. Ее отец пропал без вести в шахте, когда девочке исполнилось три года, мать растила дочь одна, работала на двух работах в районной больнице и в местном фельдшерском пункте, чтобы хоть как-то сводить концы с

концами сажала большой огород и продавала выращенное на городском рынке по выходным. Детского сада в деревне не было, и девочка большую часть времени проводила с соседями. А по выходным Лидия Пакута брала маленькую дочь с собой на рынок, чтобы хоть немного времени проводить вместе с ребенком.

Ларе очень нравилось рисовать, ей купили большой альбом и цветные карандаши, с которыми она практически не расставалась. Девочка была очень спокойной и усидчивой, она могла целый день рисовать, но никто даже не обращал внимание на эти рисунки. Лара рисовала все подряд: кучу картофеля на прилавке, мешок с яблоками, маленький домик на отшибе деревни, клумбу с цветами, речку, птицу на дереве... В один из дней на рынок пришел Альберт Рюпель, в то время он еще был преподавателем в школе-интернате для одаренных детей и уже достаточно известным художником, его картины выставлялись в галереях по всей стране и были в коллекциях у многих известных людей.

Обычно, покупками занималась его жена, но ее положили в больницу и мужчине пришлось самому идти за продуктами. Блуждая по бесконечным рядам с прилавками, Рюпель долго не мог определиться, что ему нужно купить, и он решил посмотреть на продавцов, выбирая не товар, а человека. Конечно, его сразу же привлекла Лидия – высокая статная голубоглазая красавица с толстой светло-русой косой, она словно была из другого мира. Рюпель долго рассматривал ее простые, но невероятно правильные черты лица и большие бездонные серо-голубые печальные глаза, художник подошел к ее прилавку и попросил продать овощи и зелень, когда он расплачивался, то заметил сидящую рядом девочку, усердно что-то рисующую. Альберт попросил у ребенка альбом, Лара была сильно напугана, ранее никто не смотрел ее рисунки, но Рюпель пришел в неописуемый восторг, он долго листал страницы и не переставал нахваливать ребенка.

Пятилетняя девочка была слишком мала даже для художественной школы, но ее талант был настолько поразительный, что Альберт не смог позволить ему пропасть в деревенской глубинке. Он оставил матери визитную карточку и настоятельно просил, чтобы та непременно звонила, каждый раз, когда приезжала с девочкой в город. С тех пор почти каждый выходной Рюпель брал этюдник и уходил на рынок. Он сидел вместе с Ларой за прилавком и учил ее, так продолжалось почти год, а в конце лета, он смог добиться, чтобы девочку взяли на год раньше в школу-интернат, а к декабрю смог устроить на работу ее мать в медицинский пункт интерната с проживанием. С того момента жизнь Лары стала совершенно другой. Вместо вольной жизни в деревне, где ребенок мог гулять целыми днями и наслаждаться беззаботным детством, ее ждал строгий распорядок дня, бесконечные скучные уроки, строгие учителя и унылые лица других учеников. Лара терпеть не могла серые стены этой школы, дети в такой же унылой серой форме напоминали ей заключенных. И все ее пребывание в этом заведении казалось заточением. Лидия старалась преобразить комнату девочек, украсив ее розовыми покрывалами и лавандовыми шторами, а в восьмом классе Лара сама расписала стены в своей комнате причудливыми райскими птицами и цветами. Позднее, когда она сама стала работать преподавателем в этом интернате, она старалась проводить занятия на школьном дворе, чтобы дети как можно чаще были на свежем воздухе и не чувствовали себя в заточении.

После девяти классов Лара поступила в художественное училище, конечно, она была любимицей всех преподавателей, и гордостью училища, а также сокурсницей сына Рюпеля. Герман оказался посредственным художником и часто выезжал за счет помощи Лары, она всегда доделывала за ним работы, а иногда и полностью их писала, из чувства благодарности к его отцу. Альберт часто приглашал Лару с Лидией домой и всячески способствовал сближению молодых людей, но Герман был непривлекательным как внешне, так и внутренне – малодушным, жадным и замкнутым. Лара жалела Рюпеля младшего, но никак не могла с ним подружиться, а Герман ненавидел девочку, его бесил ее талант, и при каждом удобном случае старался обидеть Лару или унижить.

Альберт очень много вкладывал в своих учеников, передавал им секреты мастерства, он всегда говорил: «Дети, рисуйте не головой, а душой, картина должна пахнуть вашими мыслями, она должна жить». Он занимался со своими учениками до позднего вечера, водил их на выставки, приглашал на уроки известных художников, постоянно организовывал экскурсии. Рюпель старший не просто жил живописью, он был ей одержим.

Лара выросла невероятной красавицей: высокая и стройная, как и ее мать, с огромными серо-голубыми глазами и длинными густыми золотистыми волосами. Даже жена Рюпеля – ворчливая и нелюдимая обожала Лару и ее мать, они могли часами о чем-нибудь разговаривать, вспоминать прошлое, а иногда что-то друг другу рассказывать по секрету. На последнем курсе обучения Лары в училище внезапно умерла ее мама и чета Рюпелей настояла на переезде девушки в их дом. Они старались не оставлять девочку одну, и поддерживали как могли. Германа страшно бесило, что его родители так много внимания уделяют Ларе.

Выпускная работа Лары «Совесть» была настолько блестящей, что ее отобрали на Всероссийский конкурс, где картина заняла первое место. Преподаватель гордился своей ученицей и предложил ей отпраздновать блестящую победу путешествием на остров Тенерифе, куда они с сыном собирались отправиться летом на отдых. Лара только что рассталась со своим женихом. Альберт видел, что девушка тяжело переживает разрыв с молодым человеком и решил, что путешествие пойдет ей только на пользу.

Всю дорогу старик развлекал молодежь байками о легендарном острове, о древних пирамидах, вулканах, черных пляжах и необычных аборигенах – потомках Атлантов, о мистическом дереве дракона, сок и плоды которого, якобы, творят чудеса. Лару очень забавляли все эти истории, но она не находила себе места, потому что ждала ребенка и даже не представляла, что ей дальше делать.

Тем же летом девушка уехала в город, поступила в институт. Виктор – ее жених, нашел Лару, вымолил прощение, и они поженились. В январе следующего года у них родился сын. Родители мужа купили молодым небольшую квартиру, помогали с малышом по мере возможности, но Лара так и не смогла простить Виктора, как не пыталась. Она чувствовала, что и он ее не любит и женился только из-за ребенка. Лара, по мнению мужа, должна была бросить институт и живопись и заниматься только домашними делами и воспитанием ребенка. Но Лара успешно закончила институт и начала работать преподавателем рисования, в свободное время она писала картины. Виктора ужасно бесило увлечение жены и однажды он поставил ее перед выбором: «Или бросай малевать, или выметайся из моей квартиры вместе со всем бардаком!». Лара вернулась в станицу, и устроилась на работу в родную школу-интернат. Альберт Рюпель в то время уже был там директором. Он все это время поддерживал связь со своей воспитанницей и, видя, что она несчастна постоянно звал ее обратно, обещая любую помощь. Теперь Лара спокойно проводила свободное время в мастерской. Именно тогда Альберт Рюпель и предложил продавать ее работы под своим именем, чтобы получать за картины хорошую цену. Однако после смерти отца Герман пересмотрел договоренность, он не стал выгонять Лару из мастерской, но предложил брать комиссию в размере восьмидесяти процентов.

Лара влетела в свою квартиру, побежала в кладовку, достала с верхней полки небольшой чемодан, в котором было множество засохших тюбиков с краской, обрезки холста, кисти и старый потертый тубус с пожелтевшими свертками, склянкой с темной жидкостью и грифелями.

Ровно в полночь на столе горели свечи, Лара развернула пожелтевший лист, взяла черный скребок, окунула его в темно-красную тягучую жидкость и начала рисовать. На папирус тягучей темно-красной жижей выплеснулась вся ее ярость, злоба, обида, твердая рука жестко процарапала каждый штрих, каждую деталь своего зловещего рисунка. Во время работы Ларе ужасно себя чувствовала, в груди сильно болело, сердце давило и было невыносимо трудно дышать, виски сдавила неведомая сила и в глазах темнело. Закончив работу, женщина вышла на балкон. Темное небо смотрело на Лару равнодушными звездами и не спешило охлаждать

воздух. Всю ночь Лару донимали кошмары, женщина ворочалась и постоянно просыпалась, в соседней квартире, как всегда, стоял невыносимый шум.

Глава третья.

Рано утром Лара поехала в галерею. Девушка оставила машину во дворе, поближе к черному входу, двери которого были открыты нараспашку, и через него сновали флористы с цветами, официанты с ящиками шампанского. Несмотря на раннее утро, нагретый воздух нависал теплой шапкой над головой. Над домом кружилась шумная стая ворон, казалось, что птицы пытаются разогнать приближающуюся жару. Женщина прошла по узкому и темному коридору в кабинет, Герман был там, увидев Лару, он быстро спрятал какие-то документы в ящик стола и вскочил со стула.

- Как я рад тебя видеть, хорошо, что пришла. Ты одна? – Рюпель пытался изобразить радость, но Лара слишком хорошо его знала и чувствовала даже малейшее притворство.

- Я решила последний раз посмотреть на мои картины, попрощаться с ними, так сказать. – Она говорила очень спокойно, ее надменная улыбка сильно встревожила Германа. – Я видела там разгружают дорогое шампанское, никогда такое не пробовала, наверное, сегодня напьюсь, с твоего позволения.

- Пей сколько хочешь, - пробормотал Рюпель, он был расстроен этим визитом и не знал, что от нее ждать.

- Да, кстати, я соберу пока свои вещи? Не хочу потом сюда возвращаться, а новому владельцу не докажешь, что это мое. – Лара достала большой пакет и вышла из кабинета. Рюпель не осмелился ей возражать.

Спустя полчаса Лара вернулась в кабинет с двумя полными пакетами и старым этюдником, который ей подарил Альбер Рюпель. Увидев на крышке деревянного ящика золотистую табличку «Моей любимой ученице», Герман невольно поморщился, Лара сделала вид, что не заметила это.

- Я прочитал вчера документы и думаю, что это подделка, ты просто решила мне отомстить – промямлил Рюпель, - Альберт мой родно отец!

- Это не моя тайна, а твоя и твоей матери, я просто выполнила ее последнюю волю. – Лара еле сдерживала свое ликование. Она давно знала это, но ждала подходящего случая.

- Вранье, ты просто мне мстишь! – Герман повысил голос.

- Я всего лишь выполнила ее просьбу. Моя совесть чиста, - Лара смотрела на Германа как на петуха, которому вот-вот отрубят голову, без жалости, с презрением и брезгливостью, Рюпель это почувствовал и ему стало страшно.

- Это ложь! – Закричал Герман, - уходи!

- С удовольствием. Пойду к гостям. Ты родился через три месяца после свадьбы родителей. Это факт, дорогой! Вот почему ты бездарность, ты приблууудыш!

Галерея была полна гостей. Лара последний раз пошла посмотреть на свои работы, Альберт считал их особенными и ни при каких обстоятельствах не хотел продавать, он считал их мистическим, волшебными и целебными. Каждая картина для Лары действительно была частью ее души, ее жизни и ее тайной.

Гостей встречала «Палестинская Мадонна». Когда Лара летела обратно с Тенерифе, она приняла решение прервать беременность, но в зале ожидания напротив нее сидела молодая палестинка, которая держала младенца на руках и не отводила глаз от ребенка, в ее глазах было столько света, тепла и любви, что невозможно было не почувствовать святость матери и дитя. Лара впервые почувствовала невидимый, но невероятно сильный светлый и теплый поток, который буквально излучала молодая мать – это было материнское счастье, помноженное на безграничную любовь. Этот образ долго не выходил из головы Лары, пока она не воплотила это на холсте, она хотела, чтобы зрители смогли почувствовать свет, тепло и невероятную энергию, чтобы, этот образ помог кому-нибудь, как и ей когда-то не совершить страшную

ошибку и подарить жизнь своему ребенку. На переднем плане горела свеча, ее пламя освещало силуэт молодой женщины с покрытой головой, она смотрела на своего младенца. Мадонна держала на руках спеленатого ребенка, который тихо спал. В глазах женщины словно плясало пламя свечи, и они излучали невероятно сильную любовь и радость. Казалось, что слышно дыхание младенца, а от пламени свечи исходит тепло. Картину даже пришлось поместить за стекло, на котором отпечатались следы ладоней. О «Палестинской Мадонне» давно ходили легенды, что она способна исцелять бесплодие, если почувствовать рукой тепло от пламени свечи, и отчаявшиеся женщины приходили прикладывали руки к картине, в надежде на чудо.

На стене напротив поместили работу под название «Одиночество», на которой был изображен небольшой остров посреди бушующего моря, на нем росло большое, раскидистое одинокое старое, наполовину засохшее дерево. И только очень внимательный зритель мог разглядеть на одной из засохших веток маленькую канарейку. Как ни странно, картина не вызывала ни грусти, ни печали, наоборот, она навевала спокойствие и умиротворение. Остров и волны были настолько реалистичны, что чувствовалось свежее дуновение ветра и слышался плеск волн, если смотреть долго, то могло показаться, что волны качаются. Приходило осознание того, что увядание естественно и в такие моменты лучше быть в уединении и на свободе. Так и Альберт в последние годы часто сидел один в своем саду, он намеренно уединялся и часто просил оставить его наедине, чтобы спокойно вспомнить всю свою жизнь и еще раз пережить все важные события. Он сидел с закрытыми глазами, слушая ветер и пение птиц. Одиночество - это не трагедия, а благо, которое многие не ценят. Достойное и своевременное завершение жизни вот истинный смысл. Эта картина помогала посетителям принять потерю и, наконец-то, обрести утешение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.